

Основные положения теории злоупотребления правом

В. Л. Вольфсон

Юридический институт (Санкт-Петербург)

ул. Гаванская, д. 3, 199106, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: vwolfson@mail.ru

Интерес к тематике осуществления субъективных прав возник в начале нулевых годов и пережил период бурного роста: представителями различных научных специальностей были защищены десятки диссертаций, публиковались монографии и статьи. Не увенчавшись созданием теоретически состоятельных и практически работоспособных объяснений феномена злоупотребления субъективным правом, этот интерес столь же внезапно стал исчезающе мал уже к середине десятых годов. Исследователи переключились на прикладные области злоупотребления правом и проявлений недобросовестности, а желание поставить их в ряд, объединенный концептуальным воззрением, полностью сошло на нет. Как следствие, итогом предпринятых усилий так и не стало создание теории ненадлежащего правоосуществления. Причины и сущность явления не были раскрыты. Не предлагалась единая система мер по противодействию злоупотреблению правом. Доктрина, а ныне и законодательство, не видят различий между злоупотреблением и недобросовестностью. Расщепление интереса субъекта, действующего в поле позитивного законодательства, на вмененный и подлинный как причина явления не рассматривалось. В таких условиях не ощущалось и необходимости в исследовании языка догмы. Остались без объяснения частные виды злоупотребления и недобросовестности. Не были выявлены особенности злоупотребления в договорных правоотношениях, что приводит к ошибочному допущению злоупотребления правом, предусмотренному не основанным на императивной норме условием договора. Не появились научно обоснованные тесты на признаки злоупотребления и недобросовестности, а также целостное воззрение на меры судебной защиты. Автор статьи предлагает методологическое объяснение такого положения дел и в тезисном виде представляет свою теорию злоупотребления правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, подлинный и вмененный интерес, язык права, добросовестность, обход закона.

Fundamental Principles of the Theory of Abuse of Rights

V. L. Volfson

Law Institute (St. Petersburg)

3 Gavanskaya st., 199106, St. Petersburg, Russia. E-mail: vwolfson@mail.ru

The early 2000s saw the emergence of interest in the exercise of subjective rights which grew rapidly: dozens of dissertations were defended, and numerous monographs and articles were published across various fields of scholarship. Yet this interest waned just as abruptly by the mid-2010s, having failed to produce a theoretically coherent and practically workable explanation of the phenomenon of abuse of subjective rights. Researchers turned to applied issues of abuse and bad faith, and any pursuit of arranging them in line with a single conceptual approach disappeared altogether. Consequently, a general theory of improper exercise of rights has never emerged. The causes and essence of the phenomenon remain un-explored. No systemic set of measures against abuse of rights has been developed. The doctrine — and the legislation as well — draw no distinction between abuse and bad faith. The split of the right-holder's interest (in positive-law systems) into imputed and genuine interest has not been analyzed as a potential cause of abuse. Against this background, no need was felt to examine the language of legal dog-matics. Specific forms of abuse and bad faith have gone unexplained. The particularities of abuse in contractual relations have not been identified — leading to the mistaken view that a right conferred by a contractual term not based on a mandatory norm can be abused. Tests for abuse or bad faith have not been scientifically established, nor has emerged an integral approach to judicial remedies. The author offers a methodological explanation for this situation and outlines, in summary form, his theory of abuse of rights.

Key words: abuse of rights, imputed and genuine interests, language of law, good faith, evasion of law.

Сущность злоупотребления правом, как полагает автор, так и не уяснена нашей наукой. Судебная практика,

оставшись «один на один» с проблемой выбора критериев надлежащего осуществления права, обнаруживает неспособность с ней справиться. Такой итог, по мнению автора, объясняется методологическим несовершенством выдвинутых воззрений как в части выбора средств познания, так и в определении концептуального уровня исследования. Большинство из них следуют в своем восприятии предмета изучения подходу, который можно определить как метафизический. Речь идет о способе мышления, помещающем этот предмет в среду, где он теряет связь с другими явлениями и становится самодостаточным. Закрытость такой среды от верификационных цензов оборачивается вынесением заведомо неверифицируемых суждений, причем даже в двух смыслах: во-первых, в общем значении – денотат этих суждений по природе таков, что проверить их на истинность невозможно, во-вторых, они не относятся к изучаемой реальности, то есть к той единственной среде, феномены которой могли бы их верифицировать, каковой, по убеждению автора, является динамическая среда интереса в правоосуществлении. Метафизичность, кроме того, выражается и в статическом образе изучаемого явления, в отказе атрибутированным ему свойствам в изменчивости.

Все свойства метафизического метода неизбежно проявляются при обращении к правоосуществлению, как и к любому другому явлению, совместно, и все же меру проявления отдельных из них можно, в целях условной систематизации, принять как основание для различения теорий злоупотребления. К метафизике в первом из отмеченных смыслов тяготеют воззрения, связывающие злоупотребление правом с невыполнением морального долга или же в целом с безнравственным или эгоистичным поведением правообладателя (традиция, заложенная еще Ф. В. Тарановским). Метафизика второго толка усматривается в теориях, которые столь же условно можно поделить на две группы. Представители первой в субъективном праве видят инструментальную конструкцию, направленную к внешнему, общественно-значимому целеполаганию, но функционально служащую и удовлетворению частного интереса субъекта, а потому ненадлежащим признают правоосуществление, с этим имманентным целеполаганием расходящееся [напр., Сазанова 2009: 45-49]. Исследователи, условно относимые ко второй группе, соглашались с тем, что субъективное частное право призвано служить частному же интересу, но полагают осуществлению права общественно-значимые пределы, нарушение каковых и образует злоупотребление [Радченко 2010]. А. А. Малиновский, автор единственной защищенной по теоретической специальности докторской диссертации по злоупотреблению правом, полагает, что коренится оно в «правовом эгоцентризме», и в целом понимает его как осуществление права в противоречии с его назначением, каковым он признает удовлетворение выраженного в праве интереса [Малиновский 2007: 355, 87]. Это последнее суждение само по себе не могло бы вызвать наши возражения. Но сущность назначения субъективного права, а значит и стоящего за ним интереса в теории А. А. Малиновского оказывается статичной, а значит и метафизической, как и вся концепция. Не случайно в его построениях не находится места для злоупотребления правом в условиях *недостаточности* интереса. Те же описания применимы и к выдвинутым в отечественной доктрине теориям добросовестности. Нет и не может быть ответа на вопрос о том, как верифицировать категорию «доброй совести» [Новицкий 1916]; и тем более непостижимо, как понятием с непроясняемым содержанием верифицировать надлежащее правоосуществление. Что же касается принципа добросовестности, о степени неопределенности в его понимании говорит то, что большинство исследователей вовсе отрицало присутствие этого принципа в дореформенном тексте ГК. Наблюдаются многообразные теории относительно целесообразности и способов закрепления такого принципа, не говоря о предложениях по его содержанию – должен ли он воплощаться лишь в презумпции добросовестности [Курбатов 2013: 36-43], является ли он легальной обязанностью [Коновалов 2016: 5], или же представляет собой некое облагораживающее начало догмы права. Сторонники последней группы теорий полагают, что принцип добросовестности [Скловский 2018: 94-97; Нам 2018: 88] пронизывает все без исключения установления законодательства и образует альтернативную легальную реальность.

Преодолеть метафизические представления о злоупотреблении правом необходимо еще и потому, что противодействие ему способно заблокировать правоосуществление, в том числе судебную защиту. Эта опасность всегда будет возбуждать непримиримое отношение к общим нормам, запрещающим злоупотребление и (или) недобросовестность. Появившись в дореволюционные годы [Муромцев 2004: 531; Покровский 1998: 106-119], эта традиция *de lege ferenda* не прерывалась и в советское время; сложилась школа доктринального отрицания злоупотребления правом как общеправовой категории, родоначальником которой был М. М. Агарков [Агарков 2002] и включавшая В. А. Рясенцева, С. Н. Братуся, Н. С. Малеина и других ученых, считавших, что эта категория надуманная, поскольку обозначает по сути правонарушение, разве что совершаемое в отношении пределов правоосуществления. В последующие годы некоторые авторы утверждали, что недозволенные действия могут быть пресечены специальной нормой [Пашин 2003: 35, 52, 58; Емельянов 2002: 60]. Но риторика, призывающая ужиться со злоупотреблениями как с меньшим, по сравнению с описанным положением, злом, аксиологически не состоятельна – системную проблему нужно исследовать и найти ей решение. В целом, школу отрицателей злоупотребления также можно считать метафизической в том отмеченном выше смысле, в котором метафизика принимает свойства объекта как априорную и статическую данность, а следовательно, не может увидеть и диалектику между вмененным и подлинным интересами.

Из очерченных выше подходов выделяются воззрения В. П. Грибанова [Грибанов 1972]. Они были подвергнуты критике теми, кто надлежащее осуществление права оценивает метафизически – включая как тех, кто признает феномен злоупотребления, так и его отрицателей. Между тем то была редкая попытка объяснить феномен злоупотребления из природы самого субъективного права. Однако внутренние пределы права в этой теории так и не были наделены иной сущностью, чем та, какая есть у любых его границ, что стирало различие между

злоупотреблением и правонарушением «как таковым». Но если бы это было сделано, оппоненты Грибанова, вероятно, упрекали бы его за то, что является его заслугой и слабостью их учения – за отказ примерять к правоосушествлению внешние и чуждые субъективному праву ценности.

Зарубежная наука также не сумела предложить всеобъемлющей теории злоупотребления правом. Кроме того, не все труды в области права, прежде всего англоязычные, могут быть как по эпистемологическим, так и по эмпирическим причинам приложимы к позитивному законодательству; не все сочетаются с принципами и категориями российского права. Это не препятствует тому, чтобы вдохновляться теми из них, что могут пройти через концептуальные фильтры отечественного правопорядка. Некоторые учения, несмотря на их влияние в зарубежной академической среде (напр., Жоссерана и Дюги), не возымели влияния на автора. Другие же, на наш взгляд, должны быть учтены для построения теории злоупотребления правом, особенно в части малоразвитого в нашей науке учения о природе языка догмы.

Преодоление непродуктивной методологии подразумевал выбор эпистемологического инструмента. Вкратце его можно было бы назвать требованием верифицируемых суждений. Автором выдвигались лишь гипотезы, семантически соотносимые со средой состояния подлинного интереса в его диалектическом, в том числе динамическом, отношении с интересом вмененным.

Но одной метафизической склонностью нашего правоведения не объяснить безуспешность попыток создать теорию злоупотребления; и сама аберрация не может объясняться одними лишь эпистемологическими установками. Наоборот, она является следствием того, что научные изыскания велись преимущественно во внутриотраслевой среде, редко выходя на уровень общеправового знания, т. е. теории права как такового. Такие явления, как субъективное право, правоосушествление, выраженный в праве интерес, минимумы и максимумы его вменения в рамки отраслевого исследования не помещаются; проблемы же языка догмы позитивного законодательства в принципе не могут быть изученными в рамках отраслевой науки. Поэтому еще одним методологическим решением стал выбор уровня абстракции для построения теории злоупотребления. Она создавалась как *общеправовое* учение, т. е. на метауровне по отношению к его отраслевой предметности. Такая методология не только не предполагает разрыв со средой более низкого уровня, т. е. со своим эмпирическим полем, но, напротив, всегда сохраняет обе среды в виде двух взаимосвязанных инстанций единой эпистемы. Метатеория правоосуществления и злоупотребления индуктивно возникает из анализа феноменов отраслевой предметности и объясняет их – хотя бы потому, что «просто права» не бывает; оно все – отраслевое. В свою очередь, гипотезы, изложенные на языке внеотраслевой среды, подвергаются верификации на отраслевом материале. Эмпирической средой для такой теории должны выступать преимущественно положения гражданского права и частные правоотношения. Злоупотребление субъективным *публичным* правом, за исключением прав конституционных, по умолчанию не представляется возможным (см. об этом ниже).

Далее представлены основные тезисы теории злоупотребления правом, полно и подробно изложенной автором в его монографиях и, в виде отдельных положений, в других статьях.

1. Суждение, содержащее оценку осуществления субъективного права, может указывать только на то, *насколько* осуществление субъективного права было направлено на удовлетворение интереса, выраженного в этом праве.

2. В правовых системах, где источником права служит позитивное законодательство, следует различать *вмененные* интересы, выраженные в тех субъективных правах, которые основаны на таком законодательстве, и *подлинные* интересы субъектов, участвующих в правоотношении. Субъективное право, основанное на нормах законодательства, представляет собой юридическое выражение вмененного интереса обладателя этого права в каком-либо благе. Предусмотренные законодательством юридические факты, образующие основание права, выступают вмененными значениями минимальной квоты интереса в том благе, получение (сохранение) которого это право обеспечивает. *Злоупотребление правом возникает при его осуществлении в отсутствии (при недостаточности) подлинного интереса в том благе, на достижение которого направлен выраженный в праве вмененный интерес.*

3. Если принять за данность уровень подлинного интереса, злоупотребление имеет место тогда, когда извлекаемая из права выгода (уровень удовлетворения интереса) превышает меру удовлетворения интереса (объем блага, извлечение которого путем осуществления субъективного права необходимо и достаточно для удовлетворения подлинного интереса). Если за данность принять объем предоставляемой правом выгоды, злоупотребление правом предстает как превышение минимальной квоты интереса в такой выгоде правообладателя его подлинного интереса в благе. Такой стандарт тестирования правоосуществления на признаки злоупотребления предлагается именовать абсолютным. В двустороннем (относительном) правоотношении оценка соответствия извлекаемых субъектом из права выгод той мере удовлетворения интереса, которая определяет долю подлежащего сохранению блага, или, если использовать иную переменную, оценка соответствия подлинного интереса минимальной квоте интереса, то есть проверка права (правомочия) на избыточность или же обязанности – на недостаточность не будет эффективным тестом на злоупотребление, если та или другая переменная, то есть либо мера удовлетворения интереса либо минимальная его квота, не будут учитывать, соответственно, меру лишения блага или квоту интереса противоположной стороны. При заданных условных величинах интересов сторон такого отношения, уровень удовлетворения интереса приобретающей выгоду стороны (или соответственно уровень лишения выгоды противоположной стороны) не должен оказаться выше, чем уровень удовлетворения интереса второй стороны в сохранении этого блага, даже если мера удовлетворения собственного интереса первой стороны не превышена извлекаемым удовлетворением; или, используя другую переменную, нельзя допустить положения, в котором

при заданном объеме извлекаемой из правового блага выгоды (для противоположной стороны – утрачиваемой выгоды) уровень интереса в этом объеме выгоды первой стороны оказался бы ниже уровня интереса второй стороны в сохранении этой выгоды, даже если уровень интереса первой стороны не окажется ниже соответствующей этому объему минимальной квоты ее интереса. Если это условие не выполняется, имеет место злоупотребление правом. Описанный стандарт тестирования именуется автором относительным.

4. Злоупотребление правом не возникало бы, если бы легальный текст позитивного законодательства понимался иначе, чем самоозначаваемая реальность. Любое суждение о содержании догмы («означаемом») позитивного законодательства должно исходить из принципов аксиоматичности, верификационной автономии, однозначной внятности. Все эти принципы определяются имманентно присущими легальному тексту такого законодательства свойствами. Каждое легальное правило обладает строго верифицируемым, распознаваемым, единственным и всегда проходящим проверку на истинность суждения о нем содержанием (*означаемым*). При таком понимании легального текста исключается вменение обладателям субъективного права иного интереса, чем тот, и только тот, что выражен в предусмотренном позитивным законодательством субъективном праве. Недопустимо телеологическое толкование текста позитивного права, тем более вменение ему «духа закона», «цели закона» и тому подобных метафизических, т. е. неверифицируемых, значений. Принципы суждения о догме позволяют также сформулировать общее правило ее толкования: должна приниматься та конструкция *означающего*, которая определяется схемой означивания, логически наиболее достоверно выявляющей волю законодателя. Схемы означивания, т. е. языки, применимые для «назначения» означающего, могут быть расставлены в иерархической последовательности соответственно силе их логической достоверности.

5. Объектами злоупотребления правом могут быть не только субъективные права в строгом смысле слова, но и другие правовые блага, постольку, поскольку их осуществление связано с удовлетворением интереса, выраженного в субъективном праве. К таким правовым благам относятся правомочие (возможность приобретения субъективного права, зависящая от волевых действий управомоченного лица) и отсутствующая субъективная обязанность.

6. Субъективные *публичные* права, за исключением прав конституционных, не могут быть объектами злоупотребления, поскольку в них выражается публичный интерес в распределении этих благ их получателям, а интерес получателя благ несубъектен и в юридическом смысле не существует. Правосубъектностью обладают лица, которые выступают получателями благ, но не получатели блага. Правосубъектные лица могут иметь интерес в публичном благе и публичные субъективные права, однако, ввиду того, что этот интерес не влияет на распределение благ, его величина принимается неизменной и учитывается лишь как формальное волеизъявление, т. е. как один из элементов юридического состава, необходимого для признания такого субъекта получателем публичного блага. Данное положение распространяется и на субъективные процессуальные права. Ввиду особенностей, присущих этим публичным правам, можно признать «злоупотребление процессуальными правами» как конвенциональную категорию, но не как научную проблему; в конечном счете за таким правоосуществлением стоит злоупотребление материальным правом на судебную защиту.

7. Стороны договора в дееспособном состоянии обладают, с оговоркой *rebus sic stantibus*, идеальной способностью распознавать и выражать эти интересы в условиях договора. Это и есть свобода договора. Субъективное право в договоре является юридической репликой выраженного в нем интереса. Кроме того, поскольку договор устанавливает равновесие интересов, любая мера стеснения не может быть понята иначе, чем условие для закрепления за собой меры возможностей. Поэтому злоупотребление субъективным правом, основанном на условии договора, которое предусмотрено диспозитивной нормой либо пребывает в поле общей дозволенности, невозможно.

8. Недобросовестность – это неустранимая конфликтность намерений обладателя интереса относительно обстоятельства, которое используется им как основание правопритязания. Не будучи синонимом злоупотребления права – категории, описывающей правоосуществление при недостаточности интереса в предоставляемом правом благе, – недобросовестность является категорией, указывающей на один из параметров состояния интереса. Это «диагноз» злоупотребления, позволяющий суду отказаться от предположения о соответствии подлинного и вмененного интересов.

9. Принцип добросовестности, являясь ментальной категорией, не может быть выражен в норме права иначе, чем в виде презумпции добросовестности; с учетом существа правоотношения, эта презумпция может и не применяться. Поэтому неуместен дополнительный «принцип добросовестности» (п. 3 и п. 4 ст. 1 ГК) в виде, соответственно, легальной обязанности и универсального стандарта правопритязания. О несостоятельности такого решения свидетельствует и само гражданское законодательство, когда специальным регулированием недобросовестность переводится в область дозволенного, поскольку режим должностования, в котором принцип добросовестности ныне выражен, тотален и не допускает локальных выпадов.

10. Когда недобросовестность возникает в отношении незнания о правовом дефекте действия, к оценке поведения лица, притязającego на свое незнание, на признаки недобросовестности – т. е. на наличие намерений, состоящих в непримиримом противоречии с таким притязанием, – применимы два стандарта тестирования. В соответствии со стандартом должностования («не знал, но должен был знать») ожидаются такие действия по обнаружению истины, которые не выходят за границы обычной заботливости; данные границы либо обозначены в нормах позитивного права и обычаях, либо прочерчиваются судом. Этот стандарт применяется тогда, когда имеет место такое несоответствие совершаемого действия предъявляемым требованиям, которое по умолчанию не выходит за область действительной или предполагаемой верификации другой стороны правоотношения, а потому пребывает и

вне нормы должного контроля правопритязателя. Стандарт осуществимости («не знал, но мог знать») подразумевает

приложение посильных при данных обстоятельствах усилий (действий и умозаключений) по обнаружению истины. Этот стандарт подлежит применению тогда, когда верификация нарушения не может быть отнесена к области должной осмотрительности другой стороны.

11. Задача преодоления верификационных сложностей порождает парадигму модельного (нормативного) регулирования, в которой права и обязанности сторон возникают посредством вменения их предустановленных значений – юридических фактов, служащих основаниями прав. Вменение в обмен на верификацию – цена, которую позитивное законодательство принимает на себя. Диалектика вмененного и подлинного интересов в этой системе обуславливает противодействие злоупотреблению правом двумя методами – судебным и нормативным. Первый предполагает деятельность судов на основании общей нормы по воспрепятствованию злоупотреблению: при отрицательном результате проверки достаточности интереса в праве, защита которого испрашивалась, суд должен отказать в защите или признании права. Второй метод заключается в определении в самих нормах права, при наличии свидетельств устойчивого осуществления права субъектами, не обладающими достаточным интересом в праве, пороговых вмененных значений девиаций.

12. Для целей противодействия злоупотреблению правом время принимается как идеальный, ввиду как объективности, так и линейности, аргумент умозрительной функции объективной оценки интереса. Выбирается значение, соответствующее предельной величине падения интереса (вмененный *максимум* снижения). Срок исковой давности – это период, по истечении которого оценка интереса истца в судебной защите в ходе снижения принимает, в точке хронометрического вменения, то значение, что вменяется в этой же точке повышавшейся оценке интереса ответчика в определенности своего положения.

13. Общая норма ГК (ст. 10) о противодействии злоупотреблению правом в судебном порядке имеет три системных порока. Первый из них относится к объему понятия «злоупотребление правом», которое смешивается с категорией недобросовестности. Второй заключается в запрете «заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав» в условиях, когда законодатель (также, впрочем, ошибочно), придал режим легальной обязанности добросовестному осуществлению гражданских прав в п. 3 ст. 1. Третий же порок – предоставление автономного режима «действиям в обход закона с противоправной целью». Явления, на описание которых претендует теория обхода закона, подпадают под объем понятия «злоупотребление правом» без необходимости выделения какого-либо автономного режима *либо же* представляют собой правомерные действия. Чаще всего они являются притворными сделками.

14. Судебный метод противодействия злоупотреблению подразумевает использование двух стандартов тестирования (п. 3). Абсолютный стандарт, по общему правилу, применяется при осуществлении прав в абсолютных правоотношениях или при проверке правоосуществления в отношении неопределенного круга третьих лиц. Относительный стандарт применяется в относительных правоотношениях, в частности, во всех случаях защиты субъективных прав. Переходить к тестированию правоосуществления на признаки злоупотребления суд может лишь тогда, когда будет преодолена презумпция соответствия подлинного интереса условной величине вмененного интереса.

Литература

- Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. В кн.: Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. 2. М., 2002.
- Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972.
- Емельянов В. И. Разумность, добросовестность и незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002.
- Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007.
- Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. В кн.: Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004.
- Коновалов А. В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике / Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2016. - № 4. - С. 4-14.
- Курбатов А. Я. Принцип недопустимости злоупотребления правом: к старым проблемам добавились новые / Закон. - 2013. - № 9. - С. 36-43.
- Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика / Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 7. - С. 83-14.
- Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / Вестник Гражданского права. Петроград, 1916. № 6. С. 56-90. № 7. С. 85-106. № 8. С. 87-108.
- Пашин В. М. Институт злоупотребления субъективными правами de lege ferenda / Актуальные проблемы гражданского права. Сборник статей / Под ред. О. Ю. Шилохвоста. Вып. 7. М., 2003. С. 28-62.
- Покровский И. А. Проблема прочности права. Вопрос о субъективном гражданском праве и о злоупотреблении правом / Основные проблемы гражданского права. М., 1998, С. 106-119.
- Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М., 2010.
- Сазанова И. В. Злоупотребление субъективным гражданским правом. Южно-Сахалинск, 2009.
- Скловский К. И. Применение права и принцип добросовестности / Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 2. - С. 94-118.

References

- Agarkov, M. M. (2002). The Problem of Abuse of Right in Soviet Civil Law. In M. M. Agarkov, Selected Works on Civil Law. In 2 vols. Vol. 2. Moscow (in Russian).
- Gribanov, V. P. (1972). The Limits of the Exercise and Protection of Civil Rights. Moscow (in Russian).
- Emelyanov, V. I. (2002). Reasonableness, Good Faith and Non-abuse of Civil Rights. Moscow (in Russian).
- Malinovsky, A. A. (2007). Abuse of Subjective Right (A Theoretical-Legal Study). Moscow (in Russian).
- Muromtsev, S. A. (2004). Definition and Principal Division of Law. In Selected Works on Roman and Civil Law. Moscow (in Russian).
- Kononov, A. V. (2016). The Principle of Good Faith in the New Version of the Civil Code of the Russian Federation and in Judicial Practice. Law. Journal of the Higher School of Economics, 4, 4–14 (in Russian).
- Kurbatov, A. Ya. (2013). The Principle of Inadmissibility of Abuse of Right: New Problems Added to the Old Ones. Zakon [Law], 9, 36–43 (in Russian).
- Nam, K. V. (2018). The Development of the Principle of Good Faith (Treu und Glauben). Modern Stage. Internal Systematics. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 7, 83–114 (in Russian).
- Novitsky, I. B. (1916). The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations. Bulletin of Civil Law, 6, 56–90; 7, 85–106; 8, 87–108 (in Russian).
- Pashin, V. M. (2003). The Institution of Abuse of Subjective Rights de lege ferenda. In O. Yu. Shilokhvost (Ed.), Current Problems of Civil Law. Collected Articles, 7, 28–62. Moscow (in Russian).
- Pokrovsky, I. A. (1998). The Problem of the Certainty of Law. The Question of Subjective Civil Right and Abuse of Right. In Fundamental Problems of Civil Law, 106–119. Moscow (in Russian).
- Radchenko, S. D. (2010). Abuse of Law in Russian Civil Law. Moscow (in Russian).
- Sazanova, I. V. (2009). Abuse of Subjective Civil Right. Yuzhno-Sakhalinsk (in Russian).
- Sklovsky, K. I. (2018). Application of Law and Principle of Good Faith. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 2, 94–118 (in Russian).
-

Citation:

Вольфсон В. Л. Основные положения теории злоупотребления правом // Юрислингвистика. – 2026 – 40. – С. 12-17.

Volfson V. L. (2026) Fundamental Principles of the Theory of Abuse of Rights. Legal Linguistics, 40, 12-17.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
